

Хранитель (воспоминания Светланы Поливановой¹)

Я познакомилась с Толей Пинским в середине 80-х годов, когда по приглашению Г.П. Щедровицкого он появился у меня дома, чтобы принять участие в методологическом семинаре, проходившем тогда в моей квартире. Он произвел на меня впечатление человека мягкого, интеллигентного и абсолютно академического, с очевидным приоритетом интеллектуальной работы перед любой другой формой активности. Он уже имел за плечами опыт аналитической работы: он тогда занимался исследованием деятельности педагогов-новаторов прошлого и недавно закончил книгу (или статью) о Новикове, фамилию которого произносил с ударением на последнем слоге.

Толя пришел на семинар в не лучшее для новичка время. Это был период, когда методологи были увлечены проведением и рефлексией организационно-деятельностных игр (ОДИ). Тому, кто не участвовал в играх, было практически невозможно понять, что участники семинара с таким увлечением обсуждают и почему так важно, что сказал некто Иван Иванович в тот или иной момент игры. По словам Толи, он чувствовал себя как «наблюдатель ООН на заседании террористической группы». И так продолжалось около года.

А в начале 1985 г. под давлением методологов доигрового поколения Георгий Петрович предложил анализировать на семинаре классические философские тексты. Толя с воодушевлением взял на себя анализ Витгенштейна, а позже перешел на феноменологию. Однако, несмотря на воодушевление, очень скоро стало заметно, что обсуждение докладов Толю не удовлетворяет. Его явно раздражало, что участники семинара гораздо больше внимания уделяют тому, как и почему он утверждает нечто, чем самому утверждению. Надо заметить, что в этом и состоял пафос методологических семинаров Московского методологического кружка, по крайней мере в тот период (с 1977 г.), когда я начала участвовать в семинарах, а именно: содержание доклада интересно только самому докладчику, и это его и только его цель продвигать это содержание и продвигаться в нем самому. Я думаю, что такое распределение ролей Толю не устраивало. Он так и не принял то безразличие к содержанию, которое демонстрировали участники дискуссии. Для него все-таки «что сказано» было важнее, чем «как и почему».

Еще одной характерной чертой семинара была очень резкая критическая манера обсуждения. Как правило, усердствовали в этом начинающие методологи, т.е. те, кто сам еще не мог свободно разворачивать свое содержание, но научился подражать методологической риторике. Фактически это и был способ освоения методологического подхода для

---

¹ Светлана Поливанова, по мужу Гивенталь, в 90-х годах эмигрировала и проживает в США. — *Прим. ред.*

новичков в течение первых двух лет работы в семинаре: освоение формы через подражание. И только пройдя этот путь, некоторые (далеко не все) участники обретали свободу движения, выражения и разворачивания своей мысли.

Как правило, подражание легче удавалось тем, кто до появления на семинаре не имел самостоятельного опыта анализа гуманитарных проблем. Тем, кто был, так сказать, *tabula rasa*. Толя определенно не был *tabula rasa*, когда пришел в семинар. У него уже был опыт самостоятельной работы, собственный стиль мышления и речи. И отказываться от него и тем более подражать «бессодержательным» формам он явно был не готов. И его, очевидно, коробили резкие критические замечания со стороны тех, кто сам еще был далек от «методологического мастерства».

Все это создавало для Толи ощущение дискомфорта. Он явно не чувствовал себя «своим» в семинаре и, вероятно, сомневался в том, стоит ли ему продолжать это занятие и надо ли вообще ему становиться методологом.

Я думаю, что Георгий Петрович довольно скоро понял и оценил своеобразие Толиного мышления и пришел к выводу, что Толю не нужно «ломать». Если мне не изменяет память, у меня с Г.П. даже состоялся однажды такой разговор, когда Г.П. сказал, что Толю нужно оставить в покое и дать ему двигаться на семинаре в той манере, которая органична для него. Мне вообще кажется, что между Толей и Г.П. сложились особые отношения. Это не были отношения учителя и ученика, которые в тот период характеризовали отношения Г.П. с остальными участниками семинара. Отношения между Г.П. и Толей были, скорее, отношениями людей, разделяющих интерес к одной и той же области мысли, но движущихся в ней разными путями. Толя безусловно относился к Г.П. с большим пиететом, отдавая должное мощи его мышления, но еще больше масштабу его личности. А Г.П., по-моему, понимал, что столкнулся с очень интересным и цельным человеком, находящимся в процессе поиска своего пути.

Мои отношения с участниками семинара мало зависели от «успешности» их продвижения по методологическому пути. Я была старше остальных (не считая Г.П.) в среднем лет на 10, и это, вероятно, позволяло мне более снисходительно относиться к их взлетам и падениям. Мои отношения с каждым из участников зависели от их личных, а не интеллектуальных достоинств. С кем-то возникали близкие, доверительные отношения, с другими я предпочитала сохранять дистанцию.

Между мной и Толей довольно быстро возникли очень теплые отношения. Мне явно импонировала его мягкая, интеллигентная манера разговора, его прекрасное, естественное чувство юмора — не ирония, не сарказм, а именно непосредственная чувствительность к смешному. Я по сей день помню, как смеялась до слез над его анекдотом о трех председателях колхоза, которые отчитывались перед высоким начальством, чем они кормят кур. А заключительная фраза: «Ну вот мы им и выдаем по 25 копеек. А там что хотят, то едят» — вызывает у меня улыбку и сейчас, когда я вспоминаю, как Толя ее произносил. Но больше всего меня привлекал его неподдельный

интерес к другому человеку. Мы довольно много разговаривали после семинаров, иногда встречались помимо семинаров, и каждый раз я чувствовала себя с ним очень комфортно.

Но при всем при том мы не были столь близки, чтобы я могла ожидать того, что однажды произошло. Летом 1985 г., только вернувшись из отпуска, я неожиданно попала в инфекционную больницу с рожистым воспалением. Я была уверена, что кроме Гали Харитоновой, с которой мы как раз и проводили отпуск, об этом никто не знает. Каково же было мое удивление, когда на третий день Толя явился в больницу, чтобы меня поддержать и утешить. Я думаю, что этот эпизод лучше всяких слов демонстрирует Толино отношение к людям, с которыми его свела судьба. По крайней мере я этого не забуду никогда.

Возвращаясь к методологическому семинару, Толя активно работал в семинаре около двух лет. Но уже в 1986 г., продолжая участвовать в семинаре, Толя увлекся Толкиеном². Тогда «Властелин колец» на английском языке появился в домах у читающей публики и приобрел большую популярность. Начали один за другим появляться переводы фрагментов книги. Насколько я помню, Толю не удовлетворял ни один перевод. И он как будто задался целью найти по-настоящему классного переводчика для этой книги. Почему именно Толкиен? Спору нет, книга прекрасная, необычная. Но в то время было огромное количество хорошей западной литературы, которая не была переведена на русский язык. Что было причиной, заставившей Толю выделить именно эту книгу? Я попробую ответить на этот вопрос дальше.

Не знаю, повлияло ли на Толю увлечение Толкиеном, познакомился ли он уже в этот период с антропософами, но в один прекрасный (?) день, после очередного обсуждения его доклада он перестал появляться на семинаре. Да и сам семинар, похоже, изжил себя. Несмотря на попытки возродить теоретико-методологическую работу, методологи по-прежнему проводили много игр. И ни времени, ни концентрации на серьезные теоретические разработки не хватало. В конце 1986 г. Георгий Петрович объявил этот семинар закрытым.

В течение последующих пяти лет мы с Толей встречались лишь время от времени. Я узнала о его погружении сначала в изучение антропософии, а потом и об увлечении вальдорфской педагогикой. Что касается меня, я продолжала ездить на игры, участвовать в методологических дискуссиях. А в 1990 г. по предложению Сергея Попова мы вместе с Геной Копыловым (я в роли главного редактора, он — в роли заместителя) начали издавать методологический журнал «Кентавр» (этакий симбиоз Методологии с

---

² Толя занимался переводами и вообще изучением разнообразных (не только художественных) произведений Толкиена чрезвычайно увлеченно и серьезно. Он выписывал и получал материалы по почте из Лондонской библиотеки (интернета еще не было). Можно сказать, что он относился к созданному Толкиеном миру не как к простому вымыслу. В конце концов, к Толе обратились с предложением вступить в общество толкиенистов (кажется, международное), но это произошло через несколько лет, когда его уже занимало другое. — *Прим. ред.*

Игрой). И в начале 1991 г. я попросила Толю дать мне интервью для этого журнала.

Меня интересовали две темы: что Толя искал и, по-видимому, не нашел в методологическом сообществе и почему он так заинтересовался вальдорфской педагогикой. Я не буду здесь останавливаться на содержании этого интервью. Оно опубликовано, его можно прочитать. По-моему, Толя вполне исчерпывающе ответил на оба вопроса.

А в моей жизни это интервью сыграло весьма существенную роль. Дело в том, что в 1991 г. я потеряла работу (я работала старшим научным сотрудником в ВИНТИ), которая давала мне средства к существованию. Случилось это как раз тогда, когда цены на товары были отпущены. Магазин на Ленинском проспекте, где я обычно покупала продукты, превратился в «Бистро», и почти все из того, что там продавалось, стало мне недоступно.

Толя узнал про мою ситуацию, когда я показывала ему текст отредактированного мной интервью. По-моему, моя редакторская работа ему понравилась, потому что он предложил мне стать редактором литературы по вальдорфской педагогике, изданием которой он тогда активно занимался. Но средств на то, чтобы платить за редактирование, у него тогда не было. Толя в это время «пробивал» разрешение на открытие первой вальдорфской школы и ожидал финансирования, в том числе и на публикацию вальдорфской литературы. А пока единственное, что он мог мне предложить, это почасовую работу, состоявшую в том, чтобы вводить в базу данных имена и адреса заказчиков на книжки по вальдорфской педагогике. Так я стала машинисткой в Толином «подпольном» издательстве. Подпольном, потому что мы — я и Валентин (фамилию забыла) — выполняли эту работу в маленьком подвальном помещении какого-то здания на Ленинском проспекте недалеко от Академии наук. И так продолжалось примерно до конца 1991 г. Несмотря на очень скромную зарплату, эта работа фактически позволила мне выжить в те смутные времена.

В 1992-м, еще до начала первого учебного года, мы переселились из подвала в здание школы на Серпуховке. Здесь для меня началась реальная издательская работа. Я редактировала переведенные тексты, сдавала и забирала их из издательства, пристраивала их в книжные магазины на продажу, организовывала выставки-продажи вальдорфских книг на педагогических семинарах. Конечно, я делала всю эту работу не одна: Валентин вскоре уехал в Германию, а к редакторской группе присоединился Павел Мейксон с женой. Активно участвовала в распространении книг ближайшая помощница Толи Галя Балыгина.

В этот период я впервые получила возможность наблюдать за Толей в роли директора школы. Толя занимался всем одновременно: руководил ремонтом школы, курировал всю издательскую работу, контролировал учебный процесс, когда начались занятия. Он не просто руководил, он вникал во все детали, будь то работа электриков и сантехников, учителей или процесс подготовки вальдорфских книжек. Насколько я помню, он одновременно встречался с зарубежными вальдорфскими педагогами,

организовывал процесс подготовки вальдорфских педагогов по всей России. Трудно перечислить все, чем он руководил в тот период. Не знаю, где он находил время и силы на все на это, но это была воистину подвижническая работа.

В то же время я впервые поняла, что работать с ним мне трудно. Впервые, оказалось, что Толя перфекционист. Ему было очень трудно угодить: его не устраивало ни качество редактирования, ни бумага, на которой книги были опубликованы, ни даже литеры набора текста. Кроме того, Толя совершенно не мог делить ответственность: он должен был вникать во все детали, контролировать все шаги, принимать все решения. Меня, человека довольно независимого и самостоятельного, начала тяготить такая плотная опека. Я попыталась уйти уже в середине 1992 г., но Толя меня не отпустил. Вероятно, надеялся, что мы как-нибудь притремся друг к другу. А в марте 1993 г., когда я подала заявление об уходе «для выезда на постоянное место жительства в США», Толя, по-моему, вздохнул с облегчением. К этому моменту уже стало очевидно, что мы не сработаемся.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что и то, что меня так восхищало в Толе, и то, что раздражало во время совместной работы, было лишь разными проявлениями одного и того же явления. Я думаю, что мое первое впечатление о Толе, а именно что он был академическим человеком, было совершенно неправильным. В интервью для «Кентавра», отвечая на вопрос, что он нашел в вальдорфской педагогике, Толя сказал, что он нашел единство мысли, слова, чувства и действия. Вспоминая его деятельность в вальдорфской школе, я понимаю, что он имел в виду. Я думаю, что фактически Толя был миссионером швейцеровского склада. Он искал и нашел свою миссию в распространении вальдорфской педагогики в России. И когда миссия была осуществлена и вальдорфское движение превратилось в конъюнктуру, он покинул школу.

Мне кажется, что теперь я могу ответить на вопрос, почему Толя так увлекся Толкиеном. Маленький хоббит Фродо объединил все народы Средиземья в борьбе со злом. Но это была его и только его миссия — уничтожить Кольцо Всевластия. И эту роль он не мог доверить никому. Мне кажется, что Фродо для Толи был прообразом того, к чему он стремился. Но миссия заключалась не в борьбе со злом, а в том, чтобы принести в мир то, что он считал добром, или благом. Теперь я понимаю, почему Толя не задержался надолго в методологическом движении. Если рассматривать движение как миссию, то это была миссия Г.П. Щедровицкого. Все остальные были только соучастниками. Толя не мог быть просто соучастником, попутчиком. Он искал миссию, которую, как Фродо, он должен был выполнить сам.

Совсем недавно, когда Толи уже не стало, я узнала от его жены Марины, что, уйдя из вальдорфской школы, Толя увлекся клейзмерской музыкой. Насколько я поняла, он стал руководителем и участником группы «Дона», исполняющей еврейские песни, и организатором фестиваля «Идиш-фест». Может быть, он нашел для себя новую миссию. Если так, то я не сомневаюсь,

что он вложил в эту роль не меньше самоотверженности и любви, чем когда-то в роль распространителя вальдорфской педагогики. Его последняя миссия осталась незавершенной. Я уверена, что все, кто соучаствовал с ним в этой миссии, ощущают его внезапный и преждевременный уход как большую потерю.